

Виктор ПЕЛЕВИН:

ОРГАЗМЫ

ЧЕЛОВЕКА И ГОСУДАРСТВА СОВПАДАЮТ!

Человек-загадка, мистер Икс российской литературы, писатель, любой роман которого становится бестселлером, - о своей новой книге, «пылитике», сексе и безумии

Пелевин Виктор

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

ПЕЛЕВИН Виктор Олегович родился в Москве в 1962 году.

Окончил Московский энергетический институт (МЭИ) и Литературный институт. Учился в аспирантуре МЭИ. В армии служил в Военно-воздушных силах. Закончив защищать Отечество, работал инженером и журналистом. Писать начал в 1987 году. Первая публикация - в журнале «Химия и жизнь».

В 1993 году получил малую Букеровскую премию за сборник рассказов «Синий фанарь».

В 1997 году роман «Чапаев и Пустота» вошел в шестерку претендентов на Букеровскую премию, которую, правда, так и не получил.

Виктор Олегович в своем репертуаре. Дать интервью, встретившись с журналистом, - боже упаси! - уж лучше так, чтобы никто не видел, не слышал и ничего не сказал. Как будто писателя-то и нет, есть лишь его тексты и некий кто-то, словно великий и ужасный Гудвин, вещающий из-за пирмочки. Идеальное средство для этого - электронная почта, ибо лучший друг Пелевина - Интернет.

- Вот цитата: «Пелевин - пеленки компьютерного подосознания» (поэт Андрей Вознесенский). Вель и вправду вы в виртуального призрака превратились.

- Сентенция Вознесенского возникла следующим образом: он разложил мою фамилию на «Пеле» и «Вин», пре-

вратил первое в «пеленки», а второе в «Виндоуз». Пеленки я еще могу понять и простить - все шестидесятники вышли из набоковской Лолиты. Но вот второй части этого каламбура я принять не могу. Порядочного человека нельзя оскорбить сильнее, чем связав его имя с операционной системой «Виндоуз». Не знаю, чем я заслужил такое.

А в виртуальных призраков превращаются, именно выходя на люди, особенно когда эти люди толпятся перед телекамерой.

- Несколько лет назад вы обещали, что, справив свое 40-летие, пойдете в народ. Что, передумали?

- Не передумал. Дело в том, что я не отмечал свой сороковой день рождения.

- Но ведь дата солидная. Говорят, именно в это время меняются жизненные ориентиры, ценности, отношение к противоположному полу: Гребенщиков рассказывал, например, что перестал в 40 лет засматриваться на все, что шевелится. Что-то изменилось в вас?

- Сорокалетие не является рубеском, если вы его так-то не делаете сами. Ум не имеет возраста - когда вы ни о чем не думаете, вы такого же возраста, как Вселенная: ровно один миг. Все остальное появляется тогда, когда сансара включает свои хард-диски. В теле не происходит ничего, что было бы как-то связано с этой датой. Все зависит от того, какой на вашем спидометре личный пробег, как вы эксплуатировали свою машину, на каком бензине, с каким маслом, и так далее. Аналогия полная. Тело - это просто машина, в которой вы ездите по этому миру. Если относиться к физической машине бережно, она будет долго работать. С другой стороны, если все время держать ее в гараже, на фига она нужна?

А отношение к противоположному полу у меня не изменилось - он меня преждемне привлекает и ужасает. Переориентации на неподвижный объект желания, о которой говорил Боря, у меня пока не произошло. Но не забывайте, что он Змея и он сохраняет покой. А я Тигр и люблю активный отдых.

«Мое творчество не вращается»

- Тут вот какая аналогия напрашивается: группа Gorillaz предстала перед публикой, раскрутив свое творчество. Глюк Oza пошла тем же путем. Вы - писатель, чье творчество раскручено уже давно. Неужели явить себя народу вам мешает лишь боязнь телекамер?

- Мне не очень понятно, что это значит - «раскрутить свое творчество». В моем творчестве нет ни одной вращающейся части, я просто пишу книги. А явление писателя народу происходит каждый раз, когда у него выходит что-то новое.

- Кстати, а вы сейчас где?

- Вопрос сложный. Последние десять лет я пытаюсь понять, что такое «я», и никак не могу. А вы хотите, чтобы я ответил, где это «я» находится. Да еще сейчас. Знаете, я не Гегель.

- Так ведь у Гегеля было два «я»: просто «я» и «я в себе»? Вы про какое из них говорите?

- Выражение «я в себе» напоминает монашеский, по выражению Набокова, каламбур «взять себя в руки» - только и д е т

значительно дальше. Я даже представить себе не могу такую гадость, если честно!

«В России не политика, а пылитика!»

- Ладно, тогда расскажите о своей новой книге.

- Это сборник, который называется «ДПП(нн)». В него входит роман о банкире, кото-

- Самые известные книги Пелевина:
✓ «Чапаев и Пустота»
✓ «Омон Ра»
✓ «Жизнь насекомых»
✓ «Поколение П»

рый полностью полагался в своих решениях на числа, - это своего рода плутовской триллер. Кроме того, в нем несколько рассказов, в которых действуют те же герои, что и в романе. Рассказы - про французскую философию, про ос-

бую разновидность нефти, в которую превращаются люди, про единичу измерения тшесты, про загробную встречу со Светящимся Существом и так далее.

- Нефть и банкиры... Актуальная для политической жизни в России тема. Не ситуация ли с «ЮКОСом» ее навела?

- Я совершенно не думаю параллелей с нынешней ситуацией вокруг «ЮКОСа» и всего прочего. Я писал книгу о том, как человек из ничего создает себе тюрьму внутри своего ума, а потом проводит в ней всю жизнь. Но теперь я вижу, что еще один аспект этой книги - это взаимоотношения бизнеса и власти. То, как люди, мнящие себя хозяевами жизни, создают марионеток, которыми надеются управлять, а выходит совсем наоборот. Вечный сюжет, кстати. Но в книге это получило непреднамеренно.

- Вы политикой интересуетесь?

- Я не интересуюсь политикой, потому что в России ее нет. Или можно сказать так: при Ельцине была пылитика (от слова «пыль»), потом пылитика (от слова «пыля»), теперь будет пылитика (от слова «пылить») и пылитика (от слова «пыль»), которую кое-кто замучается плотать). Интересно это только прямым участникам процесса.

«Я пишу о сексе человека с государством»

- Ваша прошлая книга «Дженерейшн П» вышла аж в 1999-м. Четыре года прошло, пока вы новый роман не написали. Неужели писательство такая тяжелая работа?

- Писать книгу за книгой - это все равно, что выдавливать из земли овощи с помощью химических ускорителей роста. Они будут пустышками, хотя выглядеть могут как настоящие. Писателю важно не только писать, иногда ему важно не писать. Причем важно это именно для его книг. В жизни тоже бывают циклы, зима и лето.

- А вот у вашего коллеги Сорокина книга за книгой выходит. Как вам его творчество, кстати?

- Сорокин - замечательный автор, очень талантливый и ни на кого не похожий. Я отношусь к нему с большим уважением, но как читатель я ишу в книгах немного другого.

- Ну а можете ли вы, к слову, писать о сексе столь же свободно, как он?

- О сексе я очень много и откровенно пишу в последнем романе. О сексе между правым полушарием и левым, о сексе между человеком и человеком, о сексе между человеком и государством и так далее. Собственно говоря, Сорокин и дал мне социальный заказ написание одного из моих романов - «Числа». Когда мы были в Японии, он как-то сказал: «Виктор, вам непременно следует написать версию Лолиты, только о мальчиках. Сможете?» Я очень старался, но не уверен, что получилось именно то, чего хотел Владимир.

- Любопытно... А в сексе между полушариями и между человеком и государством можно ли достигнуть оргазма?

- Здесь все зависит от того, о чем оргазме идет речь - человека или государства. Иногда, крайне редко, они совпадают. Манifestацией такого одновременного оргазма обычно является джип «Лекеус» или «Геландваген» с государственными номерами, затемненными стеклами и двумя включенными мигалками.

- То есть осознание того, что «жизнь удалась», и есть оргазм?

- По этому поводу Монтень сказал, что ни один человек не может считать, что жизнь удалась, до самой своей смерти, так как неизвестно, что его ждет впереди. А в момент смерти разве можно говорить, что жизнь удалась? В рыночном обществе самое главное в оргазме - его симуляция, это вам скажет любая карьерная девушка. Это в первую очередь относится к социальному оргазму - заставив других поверить, что жизнь удалась, человек на несколько секунд может поверить в это сам.

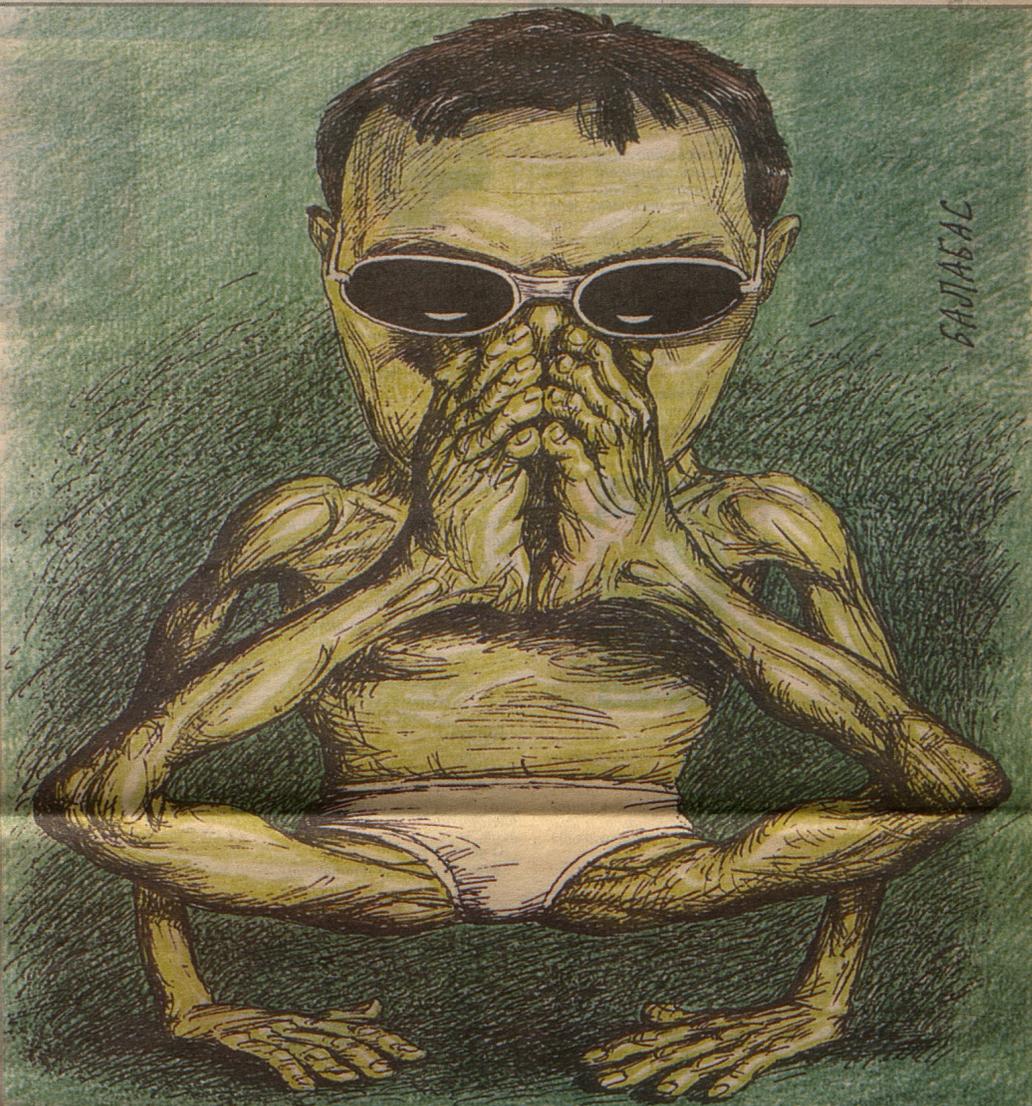
«Я - не наркоман!»

- Вы считаете себя знатоком женской души?

- В выражении «знаток женской души» есть что-то от поже ручкика Ржевского. Сколько женщин, столько душ. Чтобы узнать хотя бы одну, нужно полжизни. Кроме того, ни одну душу нельзя узнать до конца, потому что она постоянно меняется.

- Способны ли вы влюбиться так, чтобы совершить безумный поступок. Бросить литературу, например?

- Бросить литературу - это вовсе не безумный поступок.

Безумие - это стать в нашей стране писателем. А влюбиться я, конечно, могу.

- Ну, вы-то писателем стали. Значит - безумны? Каковы симптомы?

- Вот главный симптом: я подолгу сижу за компьютером, вглядываясь в буквы на экране.

- Каково главное заблуждение людей о жизни и творчестве писателя Пелевина?

- Меня очень удивляют люди, считающие меня наркоманом из-за того, что некоторые мои герои употребляют наркотики. Это все равно, что считать Маринину серийной киллершей из-за того, что в ее книгах случаются убийства.

- Вы вообще часто в людях разочаровываетесь?

- Я редко очаровываюсь, поэтому разочаровываюсь тоже редко. Больших разочарований не было, только мелкие.

- А может, вы просто умеете расслабляться?

- Да я не расслабляюсь. Просто не напрягаюсь.

«Ночью ж... барынька»

- Теоретически писатель, как продавец товара под названием «литература», должен представ-

лять своего покупателя. Какова, на ваш взгляд, ваша аудитория?

- Писатель, с моей точки зрения, не продавец товара под названием «литература», он создатель определенного продукта, который может на какое-то время стать товаром на пути к читателю. Но ценность этого продукта не в том, что его можно продать, а в том, что он может вступить в непредсказуемое взаимодействие с умом читателя. Печатаю книги и продаю их не я. Но подход очень симптоматичный и печальный. Весь мир погружен в такое дерьмо именно потому, что в нем заправляют люди, считающие существенными

только товарно-денежные транзакции, которые по своей природе являются чисто техническими, вспомогательными, вторичными. Это хорошо понимает, например, Джордж Сорос. А в русском фольклоре это отражено в пословице «Ночью жопа барынька». Социниатель, который думает о целевой группе, а не о пространстве своего текста, это не писатель, а торговец полострой бумагой.

- К слову, о бумаге. Набоков говаривал: писатель должен жить в башне из слоновой кости, спускаясь вниз разве что за газетами. Опишите обычный день

Пелевина Виктора Олеговича.

- Башня из слоновой кости и газеты - это, что называется, две вещи несовместные. Сам Набоков никогда в такой башне не жил. Мне случается жить в самых разных сооружениях, так как я много перемещаюсь, - писателя кормят впечатлениями, как волка ноги. А описать свой обычный день - это хорошая тема для романа. Если совсем коротко и метафорично, будет так: проснулся, увидел, победил, догнал и еще раз победил, заснул.

Борис ВОЙЦЕХОВСКИЙ. Рис. Виктора БАЛАБАСА.

Ом мани падме хум

- Что за последнее время произвело на вас самое большое впечатление? - В июле я был в Непале, в Гималаях. В это время там дожди. Мы шли по одному, с интервалом минут в пять - десять, а сзади шла группа местных носильщиков, которые тащили большую часть рюкзаков. В одном месте тропинка огибала скалу над пропастью, и, чтобы пройти, надо было встать на выступ размером в кирпич, под которым уже не было никакой опоры. Рисованным был только один шаг. Я долго не мог сделать его - минут пять топтался на месте. В общем, в конце концов я кое-как это сделал, натерпевшись изрядного страха. Мне стало интересно, как это место пройдут наши носильщики. Я стал их ждать. Так вот, они его просто не заметили - прошли с двумя рюкзаками каждый, продолжая разговор, словно оно ничем не отличалось от остальной тропинки. Я понял, что мы с этими людьми перемещаемся по разным измерениям, хотя номинально место было одним и тем же. Потом я думал о том, что то же самое происходит в жизни, - то, что одному человеку кажется невозможным, другой просто не замечает.

- Вы буддист? - Ом мани падме хум. Ом мани падме хум...

62